

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Анна ЧЕРНЫШЕВА
БОГ РЕШАЕТ МОЛЧА

Рассказы о войне

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ч-49

Чернышева Анна Анатольевна

Бог решает молча : рассказы о войне / Анна Чернышева ; сост., [отв. за вып.] Калашников Н. Н. ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 36 с. : ил., портр.

От составителя

Рассказы Анны Чернышевой о войне не описывают геройских подвигов, великих деяний, красивых поединков. Они показывают самую суть войны – грязь... кровь... смерть... Эти рассказы мне напоминают тот меч из рассказа Анны «Память металла», прикоснувшись к которому герой рассказа, наш современник, смог увидеть эту страшную действительность войны глазами средневекового рыцаря. Так и читатель этих рассказов сможет увидеть кровавую сущность войны глазами автора – Анны Чернышевой. Правда, герой «Памяти металла», контрактник Андрей, решает после этих картин никогда больше не прикасаться к оружию. Но именно этот мотив и делает рассказ фантастическим, ибо в реальности никакое сколь угодно близкое приближение к трагедийной сущности войны никого не заставляет бросить оружие, попытаться решать все вопросы без крови и смерти. К сожалению.

©Анна Чернышева

На первой странице обложки – рисунок Ольги Беспаловой
по мотивом картины В. Верещагина «Апофеоз войны»

ЧЕРНЫШЕВА Анна Анатольевна родилась 1 мая 1975 г. в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии. Инвалид. Передвигается на коляске. Достаточно тесное общение с КЛФ «Контакт» с 2001 года. Первая публикация – сказка «Босиком за Василисой» – в сборнике «Люди в квадрате: Проза "Контакта"» (Новокузнецк, 2004). В 2008 году Новокузнецким полиграфкомбинатом выпущена книга исторических и мистико-исторических рассказов Анны Чернышевой «Будущие воспоминания». В 2010 году КЛФ «Контакт» выпустил книжку исторических и фантастических рассказов Анны «После дождя», а в 2014 – роман «Чужие боги». Член Российского Союза писателей.

Война прошла уже давно,
И время гасит злость огня.
Спокойно смотрим мы кино
Из мирного другого дня.
Мы начинаем забывать,
Как ужас пожирал сердца,
За право жить, не выживать,
Боролись деды до конца.
За всё, что мирно и красиво,
За всё – большое ВАМ СПАСИБО!

За приданое королевы Марии

Октябрь 1599 года. Италия

Знаете, как пахнет отличный сухой порох? Он пахнет смертью. Там, где палят пушки, мушкеты и аркебузы, всегда веет смертью. Когда штурмуешь крепость, нет никакой разницы, где она и кто укрылся за стенами – мавры или такие же католики, как ты сам. Для солдата всё одинаково: сначала утренний холод и сырость, потом шум в ушах от быстрого бега, вонючая зелёная вода во рву, слёзы от едкого дыма, ступени штурмовой лестницы перед глазами и пятки идущего впереди. Лезешь через камни, мешки, брёвна, трупы, рубишь, колешь, отбиваешь, падаешь, встаёшь. Шлем съезжает на бок, мешает, дешёвый дрянной клинок ломается, хватаешь, что попадается, рубишь, ломаешь, толкаешь, уворачиваешься. Лиц не видишь, не понимаешь ничего; где свои, где чужие – определяешь концом шпаги, Бог знает как. Душно, жарко, тяжело. Но хуже всего, если атака отбита, трубят отступление, и ты начинаешь пятиться обратно к стене, а они, не важно кто, лезут на тебя отовсюду. Дай Бог, если у стены ещё стоит лестница, тогда можно спуститься вниз и, плюнув на пули, кипяток, смолу и камни, спасти свою шкуру вплавать.

В тот раз лестницы не было. Чёртовы итальянцы совсем озверели, они пёрли на меня стеной, а деваться было некуда, оставалось только прыгать вниз, но там не было воды, одни скалы. Я уже сломал шпагу и махал какой-то секирой, тяжёлой как молот, но эта чёртова дура намертво застряла в груди громадного мужлана. Я дёрнул, он повалился прямо на меня, и я полетел вниз. Мелькнуло небо, стена, бойница, я ухватился за решётку и повис. Пальцы скользили по мокрым от дождя прутьям, я искал опоры, поднял голову, прямо надо мной накренился ковш с кипящей смолой и опрокинулся обратно. Я увидел протянутую руку и глупую рожу Дидье. Он выволок меня на стену.

– Жив? Цел?

Тут снова затрубили атаку, я схватил пустой ковш и вlepил им кому-то по черепу. Сзади опять приставили лестницу, и наши полезли как муравьи на мёд. Но мы всё-таки отступили, и штурм отложили до утра.

Дождь лил уже третий день, кругом голые мокрые скалы, французская армия раскинула лагерь на каменистых уступах вокруг крепости, едва прикрытых жалкими кустами. Всё уже давно промокло насквозь. Солдаты жили как водяные крысы. Мы с Дидье устроились чуть лучше – под уступом скалы было почти сухо, мы развели костерок, сушили плащи. Я пытался камнем выправить вмятину на кирасе, жутко мне мешавшую. Дидье доедал свои бобы и не переставал болтать.

Он радовался как ребенок.

– Нет, ты подумай, как я успел! Ты висел там, на стене, а они уже совсем собрались полить тебя смолой. И тут я его бац по башке, он хлоп, и всю смолу на себя. Это ж надо!

– Ты молодец, не дал сварить старого друга. С меня выпивка.

– И побольше, побольше.

– Ладно. Давай спать, завтра опять поднимут на рассвете.

– Вот возьмём крепость, отоспишься на настоящей итальянской перине.

– Чем их перина отличается от наших?

– Не скажи, их – мягче, уж я-то знаю. Ах, какая перинка у мадмуазель Бланш!

– Тебя послушать, так эта мадмуазель само совершенство. И поёт она, как соловей, и готовит, и шьёт, и молится, и всё остальное.

– О! А всё остальное, – Дидье мечтательно закатил глаза. – Это она умеет особенно хорошо! Когда я был у неё в последний раз, она показала мне одну штуку. Это нечто! Слушай, почему ты не заведёшь себе бабу?

– Мне хватает и тех, которым я плачу.

– Не, это совсем другое.

– Ты тратишь на ленты, конфеты и подарки куда больше, чем я.

– Как ты не понимаешь, тут дело не в деньгах, а в том, что она сама этого хочет даже больше тебя, так и рвётся в бой.

– Теперь твоя Бланш воюет против тебя. Небось, тоже варит смолу, лечит тех, кого ты покалечил, и утешает, как может...

– Да ты! – Дидье ломанулся ко мне с кулаками. – Она меня любит! Понял?

– Брось, чего завёлся.

Я оттолкнул его, он повалился прямо на угли, обжётся. Дурак он всё-таки! Верит, что там, за укреплениями в осаждённой крепости, его ждёт, не дожждётся любезная Бланш. И кой чёрт понёс её в Монмелиан, сидела бы в Париже, так нет, попёрлась к бабке за наследством. Теперь ей не видать ни наследства, ни милого Дидье. Завтра де Рони разнесёт стены, мы возьмём крепость, и солдаты вынесут всё, что только можно вынести. Хоть король и запретил мародёрство, да после такой осады кто об этом вспомнит. А женщины... Не хотел бы я быть бабой. Вряд ли Дидье найдёт её первым.

Рыжий всё ещё петушился:

– Не смей так говорить о Бланке! Она верна мне, я знаю. Она – как я.

– И точно: оба длинные, рыжие и конопатые.

– Она красавица!

– Не хуже тебя.
Дидье надулся, похоже, надолго. Ну и слава Богу, даст поспать. Но не тут-то было, он только сменил тему.
– Слушай, вот ты такой умный, в университете учился на богословском факультете, растолкуй ты мне, кой чёрт мы штурмуем этот Монмелиан? Ведь ещё месяц назад туда можно было и так войти.
– Это тебе можно было, а короля Генриха IV туда не пускали и сейчас не пускают.
– Чего же он туда ломится?
– Так крепость-то его. Об этом сейчас все говорят. Вся эта война из-за того, что Габриэль д’Эстре умерла и король женится. Ему подыскали подходящее приданое в шестьсот тысяч. Мария Медичи богата как сам Дьявол.
– А Монмелиан-то причём?
– Это лучшая крепость горбатого герцога Савойского, а сын Габриэль был ему зятем. Герцог-то надеялся, что сын д’Эстре унаследует престол, пообещал Генриху Салюс и Бресс, теперь не отдаёт.
– Какая путаница, и как ты всё это понимаешь?!

– Мне интересно.
– Выходит, вся эта котовасия из-за юбки?
– Скорее из-за несметного приданого королевы Марии. Генрих женится не на ней, а на деньгах.
– Ну, говорю же, ты умный.
– Был бы умный, не мок бы здесь, учился бы себе и учился. А то из Сорбонны выгнали, денег не нажил, только и осталось идти в солдаты.
– И долго нам ещё воевать?
– Долго. Генрих IV воевать любит. Здесь разберётся, пошлёт в другое место.
– А?..
– Ещё одно слово, и я тебя прибью! Спи.
Дидье повозился и засопел, но спать нам не дали.
– Смирно!

Мы вскочили, как ошпаренные, перед офицерами. С нашим командиром был ещё один человек. Он был одет по последней парижской моде, очень элегантен и до крайности самоуверен. Я сразу узнал его. Это был сам министр финансов и начальник артиллерии господин де Рони. Это он придумал тащить на осаду пушки. С ними мы ползли, как улитки, но крепости де Рони щёлкал как орехи.

– У кого из вас невеста в крепости?
Я кивнул на Дидье, а тот только глаза выпучил.
– Значит, ты Жак Арно? – обратился де Рони ко мне. – Мне тебя рекомендовали. У меня задание для вас двоих. Выполните, получите большой отпуск и деньги.
– Рады стараться, – выпалил Дидье, и ещё больше выпучил глаза. И за что его только бабы любят?
– Вы должны пробраться внутрь крепости, – продолжал министр, – так, чтобы вас никто не заметил. Пусть женщина вас спрячет, там вы найдёте Поля Катона и передадите ему деньги. Он должен дать вам точный план крепости, как можно быстрее вам необходимо доставить план мне.
– Как же мы попадём в крепость? – спросил Дидье.
– Это ваша забота, два человека – не армия. Вы должны быть там завтра утром. Я даю вам ночь, чтобы отдохнуть и подумать. Вот деньги.

Едва офицеры ушли, Дидье тут же пристал с расспросами:
– Откуда они знают про Бланш? Почему выбрали нас? Кто этот второй? Зачем план?
– Это просто де Рони не хочет палить впустую по скалам, лучше всего знать, где у них порох. В Шамбоньере он сделал также. Взорвал башню с пороховым складом – и замок сдался.
– Как они узнали, что у меня невеста?
– Ты сам кричишь об этом на каждом шагу.
– Да, точно. А ты уже знаешь, как попасть в крепость?
– Понятия не имею. Завтра придумаю.

Дидье глубоко задумался, и мне, наконец, удалось заснуть. На рассвете нам приказали выступать. Мы присоединились к своему полку и вместе со всеми полезли на стену. Всё едва не кончилось в самом начале. Мы как тараканы ползли вверх, но лестница отошла от стены и рухнула вместе с нами на камни. Кто был наверху – разбились в лепешку, к счастью, мы были ещё у самой земли и успели спрыгнуть. Подбежали другие солдаты, вместо погибших, лестницу снова поставили, и я полез первым, Дидье за мной. Я торопился, как мог, чёртова лестница опять качалась и не доставала до края стены. Я подтянулся, перевалил через край и кубарем скатился под ноги итальянцу, он упал. Я сунул нож ему в бок, он захрипел, пытался меня придушить, но я его сбросил с себя. Дидье заполз на стену, и отчаянно махал какой-то палкой, круша всё вокруг.

– Падай, падай, дурак! – кричал я ему, но он не слышал.
К счастью, этот олух споткнулся и свалился рядом со мной, чуть не убив своей дубиной.
– Лежи не шевелись. Ты мёртвый.
– Да помню. Чёрт, не могу так лежать, рёбра зашиб.
– Терпи, дурень.

В густом утреннем тумане ничего не было видно. Нас не заметили. Как только наши протрубили отступление, и защитники со стен поплелись зализывать раны, мы поднялись, набросили длинные плащи и, стараясь не попадаться

никому на глаза, подались за ними. Люди брели в тумане, как призраки, чёрные от пороха и гари, в рваных плащах, с оружием в руках, мрачные, сутулые. Мы слились с толпой. Крепость сильно пострадала от бомбардировки. Мы свернули куда-то в туман. Здесь было совсем темно, хоть глаз выколи, но Дидье уверено шёл вперёд. Он бывал здесь ещё до осады. Перед низкой дверью он всё же остановился в сомнении.

– Кажется, здесь.

Перекрестился и осторожно постучал. В доме мёртвая тишина. Дидье постучал ещё. Тихо.

– Была, не была!

Я бухнул в дверь кулаком. Наверху, в окне, мелькнула свеча, что-то заскрипело, заворочалось внутри.

– Кто там? – спросил противный старушечий голос.

– Это её бабка, – обрадовался Дидье. – Та, что должна оставить деньги. Никак не помрёт, зараза.

– Кто там? – повторила старуха.

– Откройте, добрая женщина, мы только что из боя. Нам нужна помощь. – Я говорил первое, что пришло в голову.

Не думал я, что придётся общаться со старухой.

Дверь чуть приоткрылась, старуха подняла свечу и уставилась на нас из щели.

– Кто, говоришь?

– Мы защищаем крепость, нам нужна ваша помощь, – эта карга уже меня раздражала.

– Домой иди, – велела она и закрыла дверь.

– Нам некуда идти, – взмолился Дидье так проникновенно, что дверь снова приоткрылась.

– А что ж дома?

– В нашу казарму попало ядро, половина полка погибла, остальным велели расселяться самим. Не прогоняйте нас!

Мы всю ночь дрались, не передохнули, я ранен, истекаю кровью, – вдохновенно врал Дидье.

Он так скулил, что тронул сердце этого привидения, и мы вошли в дом. Дидье повис на мне, изображая смертельно раненого. Свеча едва освещала узкий коридор и лестницу. Там появился ещё один огонёк, и наконец-то вошла Бланш. В этот момент она мне показалась даже красивой. Она вся завернулась во что-то белое, огненные волосы рассыпались по плечам, тонкими пальцами она торопливо убирала от лица всё время падавшую прядь, ещё сонное личико было прелестно.

– Бабушка, что-то случилось?

– Эти люди пришли спать, постели им в дальней комнате, – отрезала старуха и прошаркала куда-то в темноту.

Бланш уставилась на нас. Рыжий сразу выпрямился, подавил возгласы и замер.

– Откуда вы? – выдавила Бланш.

– Мадмуазель, мы вынуждены просить у вас помощи, нам необходимо укрыться, чтобы нас не схватили, – я не знал, что ей сказать, так и не придумал. Это невеста Дидье, пусть он и объясняет. А он всё молчал.

– Он ранен? – озабочено спросила Бланш, подходя к нам.

– Нет, нет, всё в порядке.

– Идём, – скомандовала она.

Мы послушно двинулись за ней по лестнице. Пока она быстро растапливала камин и собирала на стол, мы сидели в полном молчании, как два идиота. Только выпив вина, Дидье пришёл в себя.

– Ты рада мне, Бланш? – спросил он, глупо улыбаясь.

– Всё так странно, неожиданно, я так испугалась. За вами гнались?

– Нет, что ты, голубка моя. Никто за нами не гнался. Да мы и не делали ничего дурного.

– О, господи, как вы меня напугали, – выдохнула она. – Посреди ночи, невесть откуда. Вы же были там...

– А теперь здесь, – хихикнул Дидье. – Я пришёл сказать тебе, что я ушёл от Генриха, теперь вот женюсь на тебе, и будем жить вдвоём.

Странное объяснение, но она поверила. Стоит позвать женщину под венец, и она перестаёт думать. Бланш бросилась обнимать Дидье, целовала и тискала его, смеялась и щебетала, как она счастлива, как она ждала этого. Они тут же решили, что у них будет много детей, домик в деревне и цветы под окном. Они так шумели, что старуха не проснулась только чудом. Наконец Бланш утатила его в свою комнату, и я с наслаждением растянулся на мягкой перине.

Когда стемнело, я тихонько вышел и отправился искать Катона, было совсем тихо, пушки молчали, похоже, за стенами ждали нашего возвращения. Крепость затаилась. Даже птицы чирикали в полголоса, в сумерках всё казалось таким мирным. Я шёл наугад, надеясь у кого-нибудь спросить про Катона. Так выбрал я на небольшую площадь, обычную для таких крепостей. Только в самом центре возвышалось безобразное сооружение. Я подошёл ближе. Конечно, я понял, что это. Трудно не узнать виселицу: две балки, да перекладина. Эту дрянь украшал синий труп какого-то тучного человека. Отвратное зрелище. Всё же меня потянуло прочесть табличку у него на груди. Грубая надпись гласила:

"Поль Катон – предатель и продажная сволочь!"

Я присел, будто меня по башке стукнули. Ужасно захотелось бежать со всех ног, куда глаза глядят, и деньги, что нёс этому пузатому, выбросить! Я быстро зашагал обратно, подальше от этого чёрного языка и вытаращенных глаз. Как бы вам понравилось найти в таком виде человека, к которому вы пришли? Мне это совсем не понравилось! Признаюсь, я с трудом взял себя в руки и обдумал, что делать дальше. Деньги я решил отдать Дидье и Бланш на свадьбу. Всё равно теперь никто не узнает, что я их не отдал. Пусть они возвращаются в Париж, я передохну и вернусь к де Рони, кое-что я и сам видел. Рыжий пусть остаётся с невестой, совру что-нибудь. Ну, а если Генрих возьмёт Монмелиан с боем и отдаст на разграбление, они сумеют постоять за себя. И от этой мысли мне как-то потеплело.

К знакомой двери я подошёл уже успокоившись. Старуха открыла мне дверь и велела передать Бланш, что идёт к соседке. От её скучного голоса и таких мирных слов я почувствовал себя действительно дома, в полной безопасности. Голубков я решил не тревожить и сразу пошёл в свою комнату в надежде найти там остатки завтрака. Я подошёл к столу, взял кусок ветчины, но услышал из угла странную возню. Полог на кровати был плотно задёрнут, и я решил, что голубки сменили комнату. Я спокойно продолжал есть, но звук был больно странный, и раздавался из чулана, я запил ветчину вином и решился посмотреть, что там такое. Я отодвинул задвижку, дверца распахнулась и из крошечной каморки, как пробка из бутылки вылетел Дидье. Он махал руками и кричал:

– Она заперла меня в этом гробу! Я бы вынес эту дверь одним ударом, но там даже не размахнёшься. Чертова баба! Вообще, все бабы стервы, дуры и предатели!

– Говори толком, что случилось?

Я хотел было продолжить свой ужин, но от его слов у меня кусок в горло не полез.

– Она пошла сдавать нас итальянцам, я уверен.

– Почему? Зачем?

– Я ей всё рассказал. Всё: зачем мы сюда пришли, как и что должны сделать.

– И ты сказал, что рисковал жизнью не ради неё?!

– Ну да.

– Какой же ты дурак! Какого чёрта ты это сделал?

– Если я на ней женюсь, то ничего не должен скрывать. Она должна была понять меня, если любит.

– Как можно любить такого идиота?! Ты точно знаешь, что она нас продаст?

– Когда я ей рассказал, она сразу выбежала из комнаты, потом вернулась и засунула меня в чулан. Я и понять ничего не успел.

– Надо уходить. Быстрее!

– Куда?

– К чёрту! Скорее!

В дверях мы столкнулись с растрёпанной, запыхавшейся Бланш. Она бросилась Дидье на шею.

– Прости, прости меня! Всё я виновата, заставила тебя рассказать, а бабка всё слышала, я сразу поняла. Я не знала, что делать, побежала за ней, подумала, что ты уедешь, тебя схватят, прости, я не хотела в чулан, там пыль, но как тебя удержать, – она волновалась и торопилась. – А бабка успела, она всё им пересказала, всё! Сейчас здесь будут солдаты! Быстрее! Я вас спрячу!

Мы бегом спустились по лестнице, но путь нам преградили солдаты. Я выхватил шпагу, Дидье схватил скамейку, мы ринулись напролом. Бланш грохнулась в обморок. Я убил ближайшего из солдат, Дидье с размаху кинул скамью так, что они расступились, мы пытались прорваться. Но нас окружили. Как ни быстро я наносил удары, как ни уворачивался от клинков, как ни сосредоточился, но потерял секунду, когда увидел, что Дидье мертв. Удар по запястью, и моя шпага валяется на полу, чужая сталь упирается в глотку.

Суд был скорый, военный. Зачитали обвинение. Неправдоподобно толстый дворянин, презрительно морщась, приказал старухе повторить, что она знает. Костлявая ведьма прошамкала в точности всю нашу историю. Дворянин продемонстрировал судьям кошелек с деньгами. Судья откашлялся и зачитал приговор.

Меня отвели во внутренний двор, велели встать к стене. Да ещё предложили завязать глаза. Чушь какая! Я отказался, к чему эти детские игры в жмурки. Четырёх солдат построили напротив.

– Заряжай! Целься!

И меня расстреляли.

Бог решает молча

Лето 1798 год. Египет

Говорить о пустыне нужно по-арабски, французский недостаточно колоритен, или по-русски, но тогда это нельзя будет печатать. Никогда европейцу не понять её чудовищной прелести.

Наполеон был не первым, кто решился сравнить своё величие с громадой Африки. Французская армия шла покорять пески. Дни были ужасны, ночи – отвратительны.

В небольшом поселении, наскоро организованном французами, только и было, что госпиталь да пара казарм. Всюду сновали люди, лошади, повозки, но место всё равно выглядело диким.

Госпиталь был переполнен. Смерть могла бы только порадоваться такому скоплению умирающих. В комнатку, не больше платяного шкафа, умудрились втиснуть четырёх раненых. Их всех привезли ночью, но уже к утру они успели возненавидеть друг друга так, как только могут ненавидеть люди в минуту страдания.

Первым в каморке появился молодой, ещё безусый, солдатик лет девятнадцати. Щупленький, измождённый, с томным выражением красиво очерченных глаз. Он был ранен в грудь. Пуля прошла навывлет. Врачи надеялись на его скорое выздоровление, но сам он не верил, что выживет.

Один он оставался недолго. Через четверть часа, каморку наполнили запах чеснока, грубая ругань и стенания здорового детины. Война воспитала из гасконского деревенщины неплохого артиллериста. Африка сделала его одноногим калекой.

Ему только что провели ампутацию, и он громко выражал своё отношение к происходящему:

– Тысяча чертей! Святая пятница! Оторвать человеку ногу! Ни за что ни про что! Чтоб им брюхо черти выели! Надо было собрать, собрать её. Куда же я теперь? Куда?! Ох, крысье отродье!

Солдатик только морщился, отвернувшись к стене.

Артиллерист продолжал бушевать, когда в духоту и шум их «палаты» втащили нового больного. Он был без сознания, весь в бинтах, и никто не обратил на него внимания. А стоило бы, недавно за геройский поступок этот молодой гвардеец получил офицерское звание и был замечен самим императором. Ему было лет двадцать пять, он был красив, на лоб спускались пышные чёрные кудри.

Последним появился «Седой». Так его сразу окрестил артиллерист. Новоприбывшему было не больше тридцати, но в последнем бою он натерпелся такого, что сразу поседел на полголовы. Ранение у него было пустяковое, но терпеть он не умел и всё время жаловался.

– Ох, братцы, рука как в огне, как в огне!

– Да заткнись ты! – рявкнул артиллерист. – Самому тошно. Что твоя рука, когда мне вон всю ногу отхватили. Тысяча чертей!

– Помолчите, вы оба, дайте человеку умереть спокойно, – прогнусавил солдатик у стены.

– А ты кой чёрт на тот свет собрался, мал ещё. Как звать-то?

– Жан, – неохотно ответил пессимист.

– А я – Жак. Не гоже так. Я вот хоть и на одной ноге, а один чёрт, жить буду! И ты будешь!

Ответа не последовало.

– А меня Жозефом зовут, – прогнусавил Седой. У него был большой неприятный рот, и весь он напоминал лягушку.

Четвёртый пришёл в себя и бессмысленно таращил глаза в потолок.

– Эй, а ты кто такой? – бесцеремонно спросил Жак.

– Анри Бланш, – с трудом отозвался раненый.

– Вот и знакомы! Эх, жар преисподней! Да будут нас кормить сегодня!?

– Тебе ещё есть хочется? – удивился Жан.

– Святая пятница! Мне же отрезали ногу, а не брюхо.

Это вызвало у всех подобие улыбки.

Какое-то время все молчали. Молчание это было тяжёлое и душное, как ночной воздух. Каждый сосредоточился на своих страданиях и позабыл об остальных.

К утру тишину прервали странные хлюпающие звуки. Все обернулись и с удивлением обнаружили, что верзила Жак, скорчившись на койке, вздрагивает всем телом и всхлипывает. Это зрелище было так странно и нелепо, что все поспешно отвели глаза, словно устыдившись.

– Господи, – бормотал артиллерист. – За что ты так наказал меня?! Чем я так согрешил перед тобой? Чем не угодил? Я не воровал, не желал чужой жены, каждый день ходил к обедне, и что ты со мной сделал, что я теперь?! Что я могу без ноги! Куда теперь я денусь? Я собирал виноград, делал вино, я работал, а теперь... Бертранда теперь бросит меня. Она ведь такая красавица. За что господи!!! За что!?! Зачем!!! Уж лучше сдохнуть, чем жить так! Господи, господи...

– Да замолчи ты! Твой бог – подонок! – сорвался Жан. – Он погубил и меня в девятнадцать лет. Он убил, убил меня! Я ещё так молод! Я так страдаю! Я ненавижу его!

– Не скулите оба – Бога нет. Иначе он не допустил бы такой резни, какую мы вчера устроили у Гизы, – вступил в разговор Бланш.

– Если Бог есть, то он давно позабыл про нас. Ещё в тот день, когда прогнал из рая. Я вполне могу понять Каина. Бог имеет своих любимчиков, – пробурчал Седой.

– Ты что, веришь во всю эту чушь? И про Валаамову ослицу, и про Соломона, и про Самсона? – усмехнулся Бланш.

– Как взрослые люди могут всерьёз говорить и думать об этом. Я не могу думать о Боге, я его только ненавижу, ненавижу! – повторял солдатик.

– Ненавидеть то, чего нет, – невозможно.

– Есть Бог или нет, а вся жизнь псу под хвост! Тысяча чертей! Кто я теперь? Ни башмаки надеть, ни босиком по траве пройти, дьявольщина! Лучше бы я сдох!

– Да, лучше б ты помер! – рявкнул Жозеф. – Сколько можно жаловаться. Заткнись.

– Будто ты лучше. Тысяча чертей! Сам молчи.

– Ох, так орать. Мне и так тошно, ещё вы здесь, – взмолился Жан.

– Давайте спать, – резонно предложил Анри Бланш.

Шли дни; сведённые судьбой вместе люди всё больше убеждались, как неприятны они друг другу. Порой они по целым дням молчали, уткнувшись в свои жёсткие подушки. А если и возникал между ними разговор, то он неизбежно приводил к проклятиям и богохульству. Физические страдания ожесточили и иссушили их души.

Солдатик поправлялся, он уже мог подолгу сидеть, но всё ещё не верил в своё исцеление.

Жак постепенно привыкал обходиться без ноги, но человеком считал себя пропащим.

Седой Жозеф по-прежнему скулил и жаловался, хоть и поправлялся быстрее других.

Только Анри Бланш всё ещё топтался на грани жизни и смерти. Порой он был весел и будто бы поправлялся, но на следующий день врачи снова считали его безнадежным. Однажды ему стало особенно плохо. Он метался на койке, весь в поту, бледный, словно уже умерший, сжимал худыми пальцами одеяло, стонал. Санитары махнули на него

рукой. Так продолжалось весь день. Когда ночь облегчила жару своим дыханием, Бланш затих и даже пришёл в себя. Он попросил воды и снова забылся. Но в его бреде раненым послышались слова молитвы.

И тут все разом заговорили, но обращаясь не друг к другу, а сразу к Богу.

– Господи, – говорил молодой солдатик. – Я ничего не успел в этой жизни и, видно, уже не сделаю. А этот человек лучше меня, не губи его Господи! Сохрани ему жизнь. Или хотя бы облегчи страдания.

– Боже, – вторил ему Седой, – помоги этому несчастному, ты же видишь, что он лучший из нас. Зачем же ты забираешь его? Если ты забираешь из мира лучших, кто же останется с нами, грешными. С кого же нам брать пример? Ответь, Господи! Если так надо тебе забрать к себе сегодня чью-то душу, забери одного из нас. Мы давно готовы к смерти, и Жан, и Жак давно смирились со своим концом, а Анри так хотел жить. Даруй же ему жизнь. Я уверен, он ещё искупит грехи свои. Подумай, Господи, стоит ли губить его сейчас, ведь он ещё может стать праведником.

– Дьявольщина! – гремел артиллерист. – Какого чёрта ты мучаешь его?! Если нужна тебе его душа, так возьми её мирно и тихо. Зачем так несносно мучить человека. Он, конечно, грешник и богохульник, но ты ведь не даёшь ему времени исправиться. Дай ему шанс. Боже! Дай ему шанс!

Утром никто не вспоминал об этой молитве. Анри Бланш выжил, и все таинственно молчали. По довольным физиономиям раненых можно было предположить, что каждый считал, что Бог услышал именно его.

1818 год. Маленькая таверна в Гасконии

Прошло двадцать лет с тех пор, как великий Наполеон ступил на борт фрегата «Мюирон» и покинул негостеприимные берега Африки.

В маленькой французской гостинице в низком зале было неуютно и холодно. За окном безутешно стучал дождь. За столом горбился одинокий сельский священник. Он был сед, присмотревшись, можно было заметить, что у него нет одной ноги, рядом с его табуретом стояла тяжёлая трость. Дверь отворилась, и непогода толкнула в холодный зал ещё одного путника. Он тоже оказался служителем церкви. Под мышкою он держал книги. Вид у новоприбывшего был потрёпанный и взъерошенный. Ему было лет сорок, он был худ и костляв. Он подсел к столу и стал молча ждать ужина.

Первый священник сначала будто и внимания на него не обратил, но, глянув один раз, стал присматриваться и наконец дико на него уставился.

– Жан?! Ты?! Это ты, бестия?! Тысяча чертей! Африку-то помнишь? Жака помнишь? Одноногого.

– Жак? – недоверчиво пробормотал Жан, но оглядев сутулую фигуру незнакомца, расплылся в улыбке. – Жак! Здравствуй, здравствуй, как тебя не помнить. Такое как там было, не забывают! Ты тоже стал священником, а всё ругаешься.

– А куда мне ещё было податься, – уклончиво ответил Жак, смущённо опустив глаза.

– А я вот всё решил в ту ночь, когда Анри умирал. Поклялся я тогда, что если он выживет, стану монахом – и стал.

– И я тоже, – пробормотал Жак.

– Вот судьба-то. Да, жарко там было. А я ведь в России ещё был. Вот уж где ужас! В Алжире была жара, песок, а в России – холод, снег и партизаны. Куда там до них Мурат-бею. Как мы там голодали! Конину ели, мёртвых не хоронили, чернели от морозов. О, это похлеще Алжира! – жадно стал рассказывать Жан. – А как Москва горела...

В это время дверь опять отворилась, на пороге показался хорошо одетый старик лет пятидесяти, совершенно седой. Он уверенно вошёл в зал. Потёр руки и, пошептавшись с хозяином, тоже подсел к столу. Там шумно вспоминали прошлые военные компании, чем и привлекли его внимание. Он долго прислушивался и, наконец, обратился к ним.

– Друзья мои, скажите, не были ли вы ранены в 1798 году под Гизой?

– Седой, – выдохнул Жак, совершенно опешив. – Вот судьба-то! Уж ты-то, надеюсь, не стал святошей?

– Напротив, я стал аббатом небольшого монастыря и очень доволен своей участью. Быть аббатом, друзья мои, это очень выгодное дело, у меня приличные доходы. Я живу спокойно. Вино, яйца, хлеб – всё своё. Что может быть лучше. Набожность, кроме того, не мешает торговле.

– Торговля и церковь не совместимы! – горячо возразил Жан. Его глаза вспыхнули фанатичным огнём. – Монашество – это служение! Монахи призваны к особой роли!

– Такой, как у Жака Клемена и Франсуа Равальяка? – усмехнулся Седой.

– Да, возможно, возможно, что и так! Во имя Бога!

– Подумать только, и этот человек когда-то твердил, что ненавидит Бога.

– О, я обожаю его! Я заблуждался, – убеждённо заявил Жан.

– И всё же люди остаются людьми – в монастыре или в миру. Вот я, например, считаю, что для дороги, мирское платье гораздо удобнее. Что же это – грех?

– Грех! – воскликнул Жан.

Аббат рассмеялся. Дверь снова отворилась, швырнув в комнату косые лохмотья дождя и тумана. Все невольно обернулись на шум. На пороге стоял высокий священник, уже не молодой, но по-военному подтянутый.

– Анри Бланш! – выдохнули все хором. Да, это был он...

Дезертир

Август 1914 года. Фронт

Текучей неизбежностью надвинулся, напоз как селевой поток, грязевой оползень – двадцатый век. И едва начавшись, принёс мировую войну. Стёрла она различия между армиями, передела всех солдат в немаркий мутный

цвет. Впереди было страшное жёлтое море газовых атак, глубокие, как могила, траншеи затяжной позиционной войны, первые громадные танки и миллионы смертей. А пока всё только начиналось...

Солдатские будни – это не только сражения. Атака сродни скачке, погоне: закусил удила и мчишься вперед. Ни мыслей, ни страхов. Всепоглощающее желание вырваться вперёд, обогнать всех. Боль – чужую, свою – солдат не замечает, не видит. Воздух обжигает горло и рвёт грудь. Ура!

А затишье страшно неизвестностью, бездельем, отсутствием стремления, цели. Не знают солдаты, чем себя занять между боями. Тихо кругом, скучно, и нет места подвигу, и некому принести в жертву свою жизнь. Вместо громких идей – тоска, грязь и вши.

Грязь высохла, стала пылью, вши после бани затихли, отстали, зато вечная скука навалилась всей мощью. Солдаты коротали время кто как мог. Кто умел писать, сжимали огрызки карандашей, разглаживали мятые листочки на коленке. Другие сбивчиво диктовали грамотеям свои нескладные приветы домочадцам. Вяло и тяжело шёл десятый или тысячный неисчислимый день войны.

Летнее солнышко припекало. Липкий солёный пот струился из-под фуражки. Степан вытирал его рукавом, морщился. Он был, как сказали бы современники, настоящий русский мужик: большой, мощный, двигался медлительно, неуклюже, словно с лентой, почёсывал массивный подбородок, смотрел с прищуром, как бы прицениваясь. Глаза у него были ясно-голубые, как весеннее небо, пшенично-русые жесткие волосы были коротко острижены. Крупные руки с большими ладонями бережно держали старенькие засаленные карты. Он хмурил густые брови, собирал лоб в складки, смешно морщил мясистый нос. Со светлых прямоугольников издевательски хихикали шестёрки и семерки. Красненькие черви да буби. Пиковых козырей в помине не было. Снова оставаться солдату в дураках. Приятели смеялись:

– Не везёт в картах – повезёт в любви.

А в любви Степану тоже не везло... Невеста отказала, сбежала с другим. Нет больше невесты.

– Ещё партеечку?!

Козыри вышли черви, да на этот раз пятерни не хватает, чтоб удержать всю чёрную мелочь, самая крупная карта – крестовый валет, – кажется, готов злорадно язык показать.

– Беру, беру, беру.

Степан снова остался в дураках, и шестёрки некуда было девать. Он с досады бросил оставшиеся карты в пыль.

– Не везёт, так не везёт!

Опёрся ладонями о колени, встал с перевернутого ящика махнул рукой:

– Всё!

– Не переживай, – весело посоветовал сидевший рядом худой вертлявый солдатик, – в чём-нибудь другом повезёт.

– Эх, только знать бы – в чём, – устало вздохнул Степан, поправил фуражку, отошёл в сторону.

Не успел он и пару грузных шагов сделать, как наткнулся на хлипкого молоденького поручика Скворцова. Он весь тончённый, нервный, словно нарисованный тонкой кисточкой. Выгоревшие на солнце мягкие светлые волосы, полупрозрачные водянисто-серые большие добрые глаза. По-детски припухшие губы, чисто выбритый остренький подбородок, длинная худая шея. Никакой солидности в молодом командире. И голос вежливый, мягкий. Не вызывал офицерик в подчинённом никакого благоговения, скорее желание помочь и защитить.

А тот сверкнул мелкими белыми зубками:

– Иванов?

– Я, ваше благородие!

– Ты-то, Степан, мне и нужен. Поручение у меня важное, депеша для генерала Полтавского.

Поручик кашлянул в кулак, добавил совсем тихо, доверительно:

– Честно говоря, это не официальная депеша, а письмо личное, для дочери его – Светланы. Так что ты, гляди, не болтай.

– Слушаюсь, – привычно вытянулся солдат и усмехнулся: – Не извольте беспокоиться, чай мы тоже человеки, всё понимаем.

– Поторопись, – велел поручик взволнованно.

И Степан поспешил. Бежал по длинным траншеям, перебирался через брустверы. Осыпалась, скользила под сапогами земля. Мелькали усталые безразличные лица солдат, неохотно подвигались, уступали дорогу. Хмурые офицеры спрашивали строго:

– Кто такой?

Степан вытягивался во фронт, козырял, повторял то, что было велено. Те, услышав про депешу генералу, теряли интерес, махнут рукой – «ступай» и забудут. Так добрался гонец до генеральской избышки. Домик крохотный, бревенчатый, наскоро сложенный из неошкуренных несолидных тонких бревёшек, маленький домик, словно игрушечный, спрятался за бруствер. Кругом пыль, поднятая десятками сапог ординарцев, младших офицеров и курьеров. Все спешили злые, сосредоточенные, занятые. Степан ощущал всю неуместность пехотного рядового увальня с любовным посланием для барышни среди этих занятых, подтянутых офицеров. Гладко выбритых, чистых, в отглаженных мундирах, в кожаных перчатках и начищенных до зеркального блеска сапогах. Пахло дорогим одеколоном, Степан потянул носом, заулыбался, постоял с блаженным выражением лица:

– Живут же люди!

Но тут – совершенно неуместно и пошло – несносно зачесалась под мышкой, словно там вошь завозилась, забрыкалась.

– Вот напасть! – выругался рядовой, потоптался ещё и взялся за ручку двери. Неоструганная деревяшка дёрнулась и резко открылась, едва не долбанув Степана по носу.

– Пошел к чёрту! – зло приказал ему налетевший на пехотинца поручик.

Степан посторонился и шагнул внутрь табачных клубов. Целую минуту он ничего не мог разглядеть в густом прокуренном дыму. Хотел громко прокашляться, да спохватился, кашлянул тихонько. Зачем объявлять всем, что пришёл деревенщина не привычный к офицерскому обществу. Проморгался, узнал генерала: большой, грузный, смотрит сурово, хмурится. Рядовой решился, сделал широкий шаг к нему, произнёс зычно:

– Ваше высокопревосходительство, разрешите доложить: прибыл с депешей.

Тот удивлённо вскинул брови, спросил строго:

– Почему рядовой доставил. Ещё бы штатского прислали!

Степан доверительно понизил голос:

– От поручика Скворцова, письмецо для вашей дочери.

В серьёзном генеральском взгляде появилась теплота и бесконечная усталость от всей этой войны и неустроенности.

– погоди, постой там, – махнул он рукой и велел почти мягко, обыденно.

– слушаюсь, – ответил солдат шёпотом.

А генерал уже отвлёкся, повернулся к другому посланцу. Тот вышколенно вытянулся, произнёс браво:

– Ваше высокопревосходительство, разрешите доложить.

– Докладывайте.

– Огнём немецкой батареи седьмой пехотный полк полностью уничтожен. – Тут его голос сломался, захрипел раздавлено: – Погибли все.

– Все? – глухо переспросил генерал

– Все до одного.

– Так быстро... – растерянно произнёс кто-то.

– Гаубицы, – ответили ему.

– Большая Берта, – с ужасом всхлипнули из угла, – пушка огромная. Обслуги больше ста человек. От залпа земля трясётся...

– Какая Берта?! – вдруг сорвался генерал. – Разве не знаете, что её применяют только для штурма крепостей, как в Бельгии, а вы говорите глупости...

Степан не слушал, он вдруг осознал, понял. Погибли все... погибли... умерли... нет их больше. Ни вертлявого солдатика, который выиграл в карты, ни... ни молодого влюблённого поручика Скворцова...

А он – Степан – один из всего полка жив, сбежал от смерти. Дезертировал.

Август 2014

Последний бой рядового Васильева

1942 год. Санитарный поезд

Молодой худющий сероглазый солдатик намертво вцепился в винтовку, неподвижно замер в своём окопе. Его ноги по колено утопали в грязной окопной жиже. Мокрая прожжённая на боку шинель в глине, в бурых пятнах крови. С неба сыпал мелкий, омерзительно холодный осенний дождь. Над ухом орал, срывался на хрип капрал.

– Сволочь! Трус! Дерьмо! В атаку! Все там! Ты один остался! Вперёд!

Парень сжал зубы, выпучил глаза, рванулся из окопа. Глотнул открытым ртом горячий, полный пороховой гари, воздух. Он увидел впереди серые спины солдат, побежал к ним, но всё кругом скрыла плотная жёлтая пелена. Оглянулся, увидел как капрал закашлял, сложился вдвое. Вдохнул ещё, ещё... Воздух пропал, исчез!

– Дышать! Дышать!

Жёлтый туман душил, рвал грудь изнутри...

Горячий песок, жаркая сушь. От чужой крови пальцы слиплись на рукояти короткого меча. С кожаных доспехов падали комочки земли. В сандалиии мешал камешек. Карфагенянам не было конца. Худой светлоглазый солдат вытер руку о край белой туники. Он рубил, крушил врага. И всё же – мало походил он на бравого римлянина. Не мог он похвастать ни происхождением, ни статью, додумать он не успел. Огромный камень свалился со стены и рухнул прямо на него. Придавил грудь не вдохнуть.

– Дышать! Дышать!

Свет померк. Темно. Темно...

Подлодка лежала на дне. Внутри было тихо, свет еле теплился, мигал. От сырой духоты кружилась голова. Лицо покрыл липкий пот. Глаза слезились, кислорода не было. Воздух был полон тяжёлых запахов, плотный, густой, дышать им было невозможно! Нельзя! Тощий, чуть живой матросик ничком лежал на шконке. Мутным взглядом больших серых глаз уставился перед собой, повторял пересохшими, потрескавшимися губами повторял чуть слышно:

– Дышать... Дышать...

Вдруг из соседнего отсека рыжей стеной ворвалось пламя. Поглотило всё! Сожрало...

– Бедняга.

Полная пожилая медсестра сочувственно склонилась над кроватью совсем молодого парнишки. Худой, измождённый, он метался и стонал.

– Агония. Отходит. Жалко его. И увидеть в жизни ничего не успел, – причитала она. – Эх тебя угораздило Васильев. Месяц всего в армии, освоиться не успел, а уж простудился. Пневмония. Другие-то выздоравливают, живут себе счастливо. Что ж ты, Саша, помирать надумал? – старушка погладила солдатика по голове. Вздохнула горько: – И что тебе сейчас является? Что ж тебя так тревожит?

Парень её не слышал, дышал тяжело, хрипло; с трудом открыл мутно-серые невидящие глаза. Хриплое дыхание стало тише, тише...

Медсестра наклонилась к самому лицу, прислушалась. Вздохнула, перекрестилась, закрыла мёртвые глаза.

– Всё. Отмучился. Царство небесное.

Свой последний бой рядовой Васильев проиграл.

Грозные небеса

Самый конец второго тысячелетия. Крохотное селение в горах Кавказа

Кому небо в горах голубое и яркое, как мечта, а из вонючей ямы оно виделось серым, залапанным и рваным, как старая портянка. Решётка из толстых кривых веток делила его на неровные квадраты. Она была невысоко, но сил не было даже на то, чтобы подняться, выпрямиться во весь рост. Бороться не хотелось, отчаянье сменилось апатией. Мысли вялые и мутные медленно текли в пустоту.

Я думал – плен это романтично, а это тупо и страшно. Меня почти не били, почти не унижали, почти не кормили. Только забыли в этой протухшей яме. Кашель мешал спать, ссадины гноились, от голода постоянно мутило, сухие губы полопались от жажды, звуки и запахи обострились, всё казалось болезненным бредом.

Я ведь в армию и не собирался. Хотел в институт, да провалился на экзаменах. Сам виноват, учить надо было. Но это меня не смутило, думал, служить не возьмут, кому нужен такой хилjak. Худой, узкоплечий, длиннорукий, зубы редкие, уши локаторы. Взяли! Очнуться не успел, как уже мёрз в казарме под колючим синим одеялом. Год отмучился – и оказался в зоне военных действий. Не заметил растяжку, рядом бабахнуло, старшину – в клочья! А я, живой и почти целый, грыз грязные ногти в яме для пленных.

Земляные стенки и камни противно холодили. Я поджал ноги, скорчился, стараясь плотнее закутаться в свои лохмотья. Посыпались мелкие камешки, комочки земли. Я тупо уставился в стену, разглядывал торчащие там и сям корешки. Голые, белесые, узловатые, бурые, я всё уже перепробовал. Горькие и несъедобные! Из стены вылез длинный дождевой червяк. Он извивался, ища опоры, толстый, розовый, похожий на колбасу. Сожрать его, что ли?!

И зачем только люди воюют?! Какого чёрта?! Стреляют, взрывают, травят, режут друг друга! Скоты! Какой в этом смысл?! Танки, чтобы давить, самолёты, чтобы бомбить, мины, чтоб рвать на куски. Вся эта жуть совершенней с каждым днём. Мы можем уничтожить всё живое на несколько раз, но нам мало! Мало! Того, кто убивал, крошил, разрушал, втапывал в грязь чью-то жизнь и счастье, чувствуют как героя. А там, где прошли эти герои, остаются только трупы, пепелища и чёрное от горя небо!..

Мои нестройные мысли прервали шум и громкие голоса над головой. Опять посыпалась земля, сухие листья и ветки. Решётку подняли; я вяло подумал, что пришли меня убивать. Но меня никто не трогал, в яму сунули кривую, плохо сколоченную лестницу. По ней медленно, осторожно стал спускаться человек в таких же драных штанах, как у меня. Он едва не наступил мне на голову, Я отодвинулся в самый угол. В светлом квадрате неба показались носатые заросшие лица, лестницу забрали и снова опустили решётку.

Я понял, что моё одиночество кончилось. Тот, второй, молча уселся в другом углу. Он был старый, худой, оборванный. Заросшее редкой бородёнкой лицо было исчерчено глубокими морщинами, голова не седая, а какая-то серая, суставы пальцев раздуты шишками артрита. Меня бесило молчание, но я не знал, как начать разговор. А он спокойно сидел, погруженный в свои мысли.

Я нервно поёрзал, хотел деликатно кашлянуть, но зашёлся громким отвратным кашлем. Старик посмотрел на меня с грустью.

– Ты потерял надежду? – спросил он тихо.

– Мне не на что надеяться, – сразу завёлся я.

– Я, может быть, что-то не так говорю, но, по-моему, надеяться надо всегда, – мягко возразил старик. – Давно ты здесь?

– Не знаю, пару месяцев, наверное. Сначала, я считал дни, потом бросил. Всё равно здесь сдохну! Зачем считать?

– А я уже третий год, – вздохнул он.

– Третий год?!

– Я здесь не из-за выкупа. Я раб. Я работаю на хозяина, он меня кормит.

– Раб?! Этого не может быть, скоро двадцать первый век...

– Это реальность. Это происходит сейчас с нами.

– Нет, нет! – замотал головой я. – Нет!

– Не стоит отрицать реальность.

– Вы уже два года работаете на этих уродах, делаете всё, что они скажут? Почему вы не бежали?

– Я не знаю, где нахожусь, куда бежать. Однажды я пробовал, но заблудился, меня вернули.

– Значит, спасения нет! Я никогда не попаду домой! Значит, мне, как и вам, суждено сгнить в этих горах! – меня охватило такое отчаянье, что разом пропали и голод, и слабость.

– Нам не дано знать свою судьбу, – сказал старик спокойно.

Моё отчаянье разом сменилось бешеной злобой. Я готов был разорвать старика за его невозмутимую уверенность. Хорошо ему рассуждать старому, а я молодой, я жить хочу!

– Не дано! А я знаю! Нечего мне ждать! Некому меня выкупать, детдомовский я! Мне велели писать, я написал, только адрес сам придумал. Петербург, Заячий остров...

– В Петербурге есть Заячий остров.

– Что, прям, Заячий? – не поверил я. – А я думал, такой только в сказке, про деда Мазаю. Всё равно, пусть даже получит кто-то моё письмо. Они не психи, платить бешеные деньги за чужого человека.

– Кто знает, – покачал головой старик.

– Да, что вы заладили?! – я махнул рукой, отвернулся к стенке.

– Неисповедимы пути Господни, – сказал он то ли мне, то ли себе самому. – Ты не сердись, пожалуйста, послушай старого человека. Отчаяние – страшный грех. Бог дал нам надежду, чтобы мы легче переносили наши страдания.

– Вот только не надо проповедей! – взмолился я.

– Хорошо, – легко согласился старик. – Раньше я был учителем... Можно, я расскажу тебе легенду?

– Библейскую? – поморщился я.

– Нет, средневековую.

– Тогда, валяйте.

Тело затекло от неудобной позы, я повернулся к старику, вытянул ноги.

– Не знаю, правда эта история или вымысел, но уж очень она мне пришлась по сердцу, – начал он. – Тогда великая Римская Империя доживала последние дни. Когда славная история древнего мира сменялась средними веками, обычные люди жили, не подозревая обо всём этом. Даже названия этим периодам придумали сотни лет спустя. Люди жили, как и теперь, изо дня в день, работая, заботясь о пропитании и достатке.

– Да, пропитание, – вздохнул я. – Жрать хочется – смертно.

– Не думай об этом, попробуй отвлечься.

– Легко сказать. Рассказывайте свою легенду, только ближе к сути.

– Не спеши. Всё в свой черёд... В маленькой деревушке, на самой северной окраине империи, жил в это трудное время мальчишка. Звали его Агриппа, как знаменитого военачальника императора Октавиана Августа. Он гордился своим именем и мечтал тоже прославиться. Но родители его были бедны, налоги каждый год увеличивали, да ещё налетали дикие кочевые племена. Язычники нападали неожиданно, грабили, убивали, поджигали дома и исчезали словно призраки.

Они всегда появлялись маленькими отрядами, и вскоре крестьяне научились отражать их нападения. Но прошёл слух, что дикие племена гуннов объединил смелый и злой вождь – Аттила.

– Ну да, ну да, я что-то слышал! – обрадовался я.

– Агриппа испугался, когда увидел несметные полчища Аттилы. Они все были высоки ростом, бородаты и одеты не в туники, а в штаны и лохматые звериные шкуры. Воинам с луками не было конца...

– Эй, бери жрать! – вдруг раздалось сверху.

Я даже вздрогнул. Я только что был совсем в другом месте и времени. Там, где маленький римлянин с ужасом смотрел на орды варваров. Зачем меня вернули!?

– Эй, бери кашу, – повторил обладатель жуткого акцента.

Я очнулся, взял миску, хлеб и принялся жевать. Безвкусная еда кончилась слишком быстро. Странно. Я торопился, так долго и мучительно хотел есть, у меня дрожали руки, но голод не был главным. Я хотел знать, что дальше. А старик, как нарочно, тщательно пережёвывал свою кашу. Он только начал. Что он делал столько времени, молился? Дурак! Нужны Богу его молитвы, как собаке пятая нога. Наконец, он доел, вытер рот.

– Рассказывайте дальше, – потребовал я.

– Семье Агриппы удалось спрятаться, – продолжил старик как-то неохотно. – Но он натерпелся такого страха, что запомнил это на всю жизнь и решил стать легионером, чтобы победить варваров. Он стал просить отца отдать его в военную школу. Но отец отказал наотрез. Он решил, что Агриппа будет учеником гончара. Он хотел, чтобы его сын стал мирным и обеспеченным человеком. Агриппа спорил, но всё было бесполезно. Тогда он горячо взмолился Богу, прося позволить ему победить Аттилу.

– Нашёл кого просить! – воскликнул я презрительно и принялся устраиваться удобнее в своём углу.

– Не перебивай, – строго велел старик. – Агриппа молился каждый день, когда оставался один, когда месил глину и склонялся над гончарным кругом. Он делал успехи в своём ремесле, но в его сердце жила одна мечта – освободить свою родину от набегов варваров.

Прошло пару лет, а может и больше. Агриппа подрос, влюбился. Однажды он увидел, что к его возлюбленной пристаёт молодой варвар. Агриппа рассвирепел и, когда тот проходил мимо, швырнул в него только что обожжённый горшок, попав по голове. Варвар упал замертво, он не носил шлема.

– Так его! – завопил я. – Что, что дальше?

– А ничего, – отмахнулся старик. – Это конец легенды.

– Это что, был сам Аттила?

– Нет, но это был его сын. Аттила умер, не оставив наследника. Вожди гуннов перессорились, союз распался, грозное войско Аттилы перестало существовать.

Он замолчал, а я глубоко задумался.

– Выходит, Бог услышал его молитвы? Гончар победил Аттилу.

– Он не переставал надеяться, и его мечта сбылась, хотя и совсем не так, как он представлял.

– Это только красивая сказка, – меня распирало желание поспорить.

– Как знать, – тихо сказал старик.

– Нет, – петушился я, – в жизни...

Меня перебил грубый голос сверху.

– Эй ты, солдат, лезь сюда.

К нам в яму сползла лестница, больно стукнула меня по ноге.

– Лезь, быстро.

Я покорно поднялся по хлипким кривым ступенькам, долго шурился; глаза привыкли, разглядел двух бородатых горцев в камуфляже. Огляделся по сторонам – только по-осеннему голые горы да хмурое, тёмное небо. Тоска.

Но тут мне стало ещё хуже.

– Всё, пошли помирать, – решительно заявил один бородач.

– Куда? За что? – жалобно простонал я.

– Я тебе говорил: нэ будет денег – убью? Денег нэт.

– Подождите, Питер так далеко! Надо ещё деньги собрать! Квартиру продать! Я говорил, мы не богатые!

– Заткнись!

– Подождите! Умоляю! – я хватал его за рукав, заглядывал в лицо.

– Нэт.

– Ещё несколько дней! Не сейчас! Я хочу жить! – голос сразу осип, я упал на колени.

Меня молча подняли и поволокли куда-то вверх по склону. Я видел только камни, грязь, сухую траву. В голове что-то бухало, воздуха не хватало. Нет! Нет! Нет! Нет! Вдруг вспомнилось недописанное письмо на тумбочке в казарме, совсем из детства всплыл родной запах маминых рук, вкус борща, ярко-розовое платье на Наташке... Больше никогда! Никогда! Нет! Нет!

Горцы ругались по-своему, толкали меня. От их гортанных, непонятных слов было ещё страшнее.

– Стой!

Я поднял голову, увидел, что стою на краю обрыва. Бородатых собралось человек семь. Они ухмылялись, занимали места, ждали шоу. Передо мной пробежали кадры из военных фильмов, и мне стало стыдно. Я кое-как взял себя в руки, даже выпрямился, сжал дрожащие пальцы в кулаки и повернулся спиной.

Передо мной было только небо. Лохматые грязные облака лезли друг на друга, солнца не было. Глядя куда-то вверх, я вдруг взмолился так, будто смотрел Богу в глаза!

– Прости меня, Господи! Я хочу жить! Я хочу жить!

Я молчал, но душа орала, рвала грудь. Сзади передёргивали затворы, что-то кричали, я не слышал. Жить! Жить!

– Эй! Повернись.

Я с трудом понял, что это мне.

– Что?

– Танцуй, прислали видео, деньги обещают.

– Кто?

– Мужик толстый, что-то несёт про то, что вы незнакомы. Но главное, он платит.

Я стоял, как оглушённый, горцы шумели, махали руками, я смотрел, ничего не понимая. Очень медленно до меня стало доходить. Меня не убьют. Я буду жить. Тот незнакомый человек, который получил моё письмо, не выбросил его, а решил заплатить. Разве такое бывает?!

Я опять поднял глаза к неприветливому небу.

– Спасибо, Господи! – я сам удивился своей искренности.

А как же старик?! Он же так верил. Он останется здесь? Значит, его вера его не спасла?

Я представил его в моей яме. Как он сидел, молился. Я даже имя его не знал. Старик, старик. А ведь он совсем не старый. Ему только лет сорок.

Я с упрёком глянул в небо и глазам своим не поверил. Вертолёты! Наши вертолёты! Идут низко, вот-вот сядут!

За спиной застрочили автоматы, длинная очередь, казалось, полоснула прямо по мне. Я упал лицом в грязь, закрыл голову руками.

– Шайтан! Скотина! – горец перебирал грязные ругательства, пинал, бил прикладом. – В кассете был маяк! Ты навёл! Нас нашли! Скотина!

С вертолётов стали стрелять, с земли орала, отвечали короткими очередями. Меня все бросили, стрельба удалялась, я осторожно поднял голову. Рядом – никого. Я решился встать, отряхнулся. Удивительно, ни одна пуля меня даже не задела, только бока болели от побоев.

– Жив! – кричало всё во мне, но я боялся верить.

Горцы скрылись в леске, огрызались оттуда беспорядочной стрельбой, рывкнул гранатомёт, исчез в дыму крайний дом. Всё гудело от эха, горы многократно повторяли каждый выстрел. Вертолёты приземлялись, десант принял бой. Наши стреляли на бегу, прятались за углы домишек, старые заборы. Откуда-то слышались женские причитания,

вусмерть перепуганная, тощая коза металась от забора к забору. Из леса снова выстрелил гранатомёт, коза упала у взорвавшегося сарая.

Я вышел из транса, бросился к своей яме. Взрыв изломал решётку, навалил сверху досок и хлама. Я принялся лихорадочно всё разгребать, ободрал руку о кривой гвоздь. Наконец заглянул внутрь.

– Жив?

– И ты жив, слава Богу.

Я помог ему выбраться, и мы обнялись как родные. Я был до беспамятства счастлив.

Конечно, так не бывает, но как хорошо, что всё так и было.

Память металла

2005 год, где-то в западной Европе

Красный экскурсионный автобус пыхтел, петляя по идеально ровным европейским дорогам. Большинство пассажиров спали после перелёта и утомительной таможенной мороки. Только двое на первом, за водительским, сиденье перешёптывались:

– Вы уже бывали раньше где-нибудь за границей? – спрашивала у своего соседа молодая симпатичная девушка с весёлыми светлыми кудряшками.

– Нет, когда мне, – пожал плечами молодой, крепкий, широкоплечий парень с коротко остриженной головой. – Я всё служил: то так, то по контракту.

– А сейчас? Контракт кончился?

– Один кончился, хотел уже подписать новый, да получил боевые, и Ванька уговорил сразу их потратить. «Езжай, – говорит, – посмотри, как нормальные люди живут».

– Ваш друг – агент турфирмы?

– Мой друг – пацифист! Всё пытается убедить меня бросить военную службу.

– И что, ему это удаётся? – лукаво сощурилась девушка.

– Какой там! – поморщился парень. – Сам не понимаю, зачем согласился шастать по музеям. Уж лучше бы сидел в расположении части. Всё просто и понятно.

– Рано делать выводы, – напомнила блондинка. – Мы ещё ни в одном музее не были! Вот доберёмся до замка, побродим среди древних камней, может, что и изменится.

– Кое-какие перемены просто не могут ждать так долго, – улыбнулся контрактник. – Нам с вами срочно нужно познакомиться! Меня зовут Андрей.

– Лена, – кокетливо улыбнулась девушка.

Каменные стены очень-очень старого средневекового замка не произвели на Андрея никакого впечатления:

– Развалины как развалины.

Внутри он и вовсе идти не хотел, нимало не интересуясь суровым бытом рыцарских времён. Ему хотелось только добраться до гостиницы и завалиться спать. Он равнодушно наблюдал, как экскурсовод азартно тыкала указкой в большие тёмные картины, затейливые канделябры, восхищённо указывала на нелепые железные доспехи. Она хорошо говорила по-русски, но туриста мало занимал её рассказ. Он маялся от скуки, контрактник даже постучал по круглому шлему одного из уморительно маленьких рыцарей. Гулкое эхо отозвалось под сводами высоченного потолка. Кольчужная перчатка железного вояки опиралась на непомерно длинный для него ручной меч. Андрей не удержался, взялся за рукоять, поднял тяжёлое старинное оружие. Холодная рукоять удивительно удобно легла в ладонь...

...Средневековое сражение было страшно. Через щель забрала огромное поле боя казалось зажатым в узкой шахте, кишашей людскими телами. Ряды уже давно смешались, и воины разных стран, сошедшиеся в рукопашной, были неотличимы друг от друга. Только кое-где над людской массой гордо возвышались яркие полотнища знамён. Вокруг всё было коричневым от крови и грязи и серым – в цвет стали доспехов и клинков. Весь закованный в железные доспехи рыцарь привстал в стремени, широко замахнулся мечом, едва успел заметить вражеского лучника, вставшего на одно колено и метившего снизу точно в открытое забрало. Рыцарь резко натянул поводья, поднял коня на дыбы. Защитив всадника, животное дрогнуло всем телом, осело на задние ноги... Стрела попала в незащищённое брюхо.

Закованный в доспехи рыцарь стал стремительно падать назад, вскинул руки, напрасно пытаясь удержать равновесие. Перед глазами скользнуло низкое серое осеннее небо. Он со всего маху грянулся о землю. Под голову попал большой камень, и жёсткий шлем не смягчил удар. Белый свет померк...

...Андрей даже головой потряс. Примерещится же такое! Коня, доспехи, чушь какая! Он засунул меч обратно в подставку. Приняв его движение за явный интерес, экскурсовод стала рассказывать:

– С этим оружием связана целая легенда. Местные жители нашли его в глубоком овраге, на дне пересохшего ручья. К тому времени в этих местах уже пару веков не было никаких сражений. Оставалось гадать, откуда там взялся этот меч, казалось, что владелец бросил его и уехал. Но такого просто быть не могло: исследование показало, что это оружие огромной стоимости, целое состояние для средневекового человека.

– Неужели кому-то охота возиться со старыми железками? – недоверчиво ухмыльнулся парень.

– Если б никто этим не занимался, – резонно заметила Лена, любуясь собственным отражением в старинном зеркале, – нам бы сейчас не на что было бы посмотреть.

– Вот горе-то. Я бы уж точно пережил отсутствие этой старомодной рухляди.

Экскурсовод обернулась к ним, прижала палец к губам:

– Тише, духи прошлого требуют уважения.

– За что их уважать? – тупо возмутился контрактник. – Их время давно прошло. Лучше бы привели нас в музей современных вооружений.

– Современным оружием славится Россия, там и музеи, – обиделась экскурсовод, – а в нашем замке главное история.

– Что от неё толку.

– Без истории нет будущего.

– На моё будущее ваша история повлиять не может, – заявил самоуверенный парень.

– Как знать, как знать.

Экскурсия потянулась в другие залы, петляла между столов, комодов и резных сундуков. Андрей откровенно скучал. Когда на обратном пути вновь проходил мимо старых доспехов, из пустого озорства снова потянул меч из подставки, поднял над головой и...

...Пришёл в себя от жуткого холода. По краям забрала бахромой белел иней. Попытка двинуть головой отозвалась тошнотой и дикой болью. Нечеловеческим усилием поднял руку, чтоб отцепить хитрый механизм и снять шлем. Свежий холодный воздух хлынул в грудь, придал новых сил. Тогда только осознал, что окружающая темнота – это просто наступившая ночь. На чёрном небе, над головой, мерцали редкие мелкие звёзды, над полем битвы опустилась мёртвая тревожная тишина. Уже не было слышно ни победных криков, ни стонов раненых. Насытившиеся чёрные падальщики не дрались и не каркали. Рыцарь постарался встать на ноги, тяжёлые, неудобные доспехи мешали каждому движению. Он раздражённо отстёгивал замочки, расшнуровывал, отвязывал: налокотники, наручни, наколенники, отбрасывал их от себя. Каждое такое движение приносило облегчение. Рыцарь долго возился с широкой старинной кирасой, закрывавший его грудь и спину.

– Святые угодники! Это кого же угораздило придумать такую невозможную конструкцию?! И куда подевался мой бездельник-оруженосец?! Не господское это дело, самому облачаться в доспехи, – разорвался он в крайнем возмущении.

Но оруженосца рядом не было, и в первый раз в жизни граф Роббер вынужден был сам бороться со своими доспехами. Единственная светлая мысль мелькнула в его голове: рыцарь припомнил огромные, громоздкие доспехи своего сеньора. Облачаться ему помогали трое слуг, а самостоятельно в полном облачении он не мог ни быстро пройти по двору, ни сесть на лошадь.

– Ему бы сейчас пришлось куда хуже, – зло усмехнулся рыцарь. – Лежал бы здесь, как толстый жук, пока слуги не привезли бы специальную подъёмную машину, чтоб поставить его вертикально.

Злорадствовать было тем приятней, чем меньше железа сковывало его тело. Чтoб лучше согреться, Роббер подпрыгивал, приседал и размахивал руками. Порадовался, что под доспехами носил стёганный на вате пурпуэн. Прямо поверх него надел кожаную перевязь с ножнами.

– Не видно ни зги! Хоть глаз выколи! – досадовал рыцарь. – А я в пылу боя и не смотрел, куда скакал. Куда теперь податься? Даже не знаю, кто победил.

В гудевшей голове мысли путались, но одно он понял весьма ясно:

– Кто бы ни одержал верх, дорогое снаряжение разбрасывать не стоит. Доспехи мне еще пригодятся.

Браня себя за недавнюю расточительность, рыцарь принялся в полной темноте собирать детали своих железных доспехов. На удивление, первым ему попался злополучный шлем, который он так старался забросить подальше. Дорогущие наборные перчатки, закрывавшие руки, словно чешуя, состоявшая из сотни маленьких пластинок, соединённых подвижными клёпками – чудо искусства оружейников – Роббер искал особенно тщательно, других таких не было во всём королевстве.

– Эх, сюда бы огня! Всё бы сразу нашлось, – сокрушался он. – До утра ждать нельзя, мародёры всё растащат. Ну, куда же запропастился оруженосец?! Огниво осталось у него в сумке.

В это время из осенних туч выбралась круглая жёлтая луна, залила землю своим неживым сиянием. Всё стало отлично видно, только тени залегли особенно чёрные. Роббер обвёл взглядом поле битвы, усеянное мёртвыми телами людей и лошадей. Воины лежали в неестественных позах с отрубленными ногами, головами, руками. Совсем рядом с графом лежал тот самый сразивший его лучник, меч другого рыцаря рассёк его от плеча надвое. На молодом лице убитого замер ужас, мёртвые глаза смотрели в небо, из открытого рта не успел вырваться последний крик.

Роббер не понимал тех военачальников, которых радовал вид поля битвы после сражения. Он не находил ничего величественного в чёрных вороньих стаях, жадно клюющих трупы. Кроме суетливых птиц он заметил в темноте ещё движение. Посмотрел в ту сторону, прямо в глаза ему глянули жёлтые жуткие огоньки волчьих глаз. Рядом возникли ещё и ещё. Пресытившиеся падалью, хищники жадно бросились на свежую добычу. Рыцарь успел подобрать с земли свой тяжёлый меч, ударил им наотмашь прыгнувшего зверя. Острое лезвие отсекло волку голову, но за ним прыгнул второй, третий. Роббер размахивал оружием быстрее, чем во время сражения. Наконец, уцелевшая стая отступила, но хищники не разбежались, зорко следили за каждым движением рыцаря.

– Сейчас бы огня! Да куда же мог запропаститься оруженосец?! – сокрушался он. – Найду – поколочу!

– Вот знал бы, не искал бы вас! – звонкий голос слуги звучал весело.

Высоко держа над головой рыжее пламя смоляного факела, круглощёкий коренастый оруженосец графа пробирался к хозяину, осторожно перешагивая убитых.

– Слава Богу, вы живы, сеньор! А то я уже отправился искать ваш труп, – сообщил он со счастливой улыбкой на лице.

– А почему ночью? – удивился граф.

– Так я бы с удовольствием подождал до утра, но господин герцог отправил меня, убедив, что утром я не смогу вас опознать из-за падальщиков.

– Ещё бы немного, и это стало бы правдой.

– Так всё-таки я вовремя! Не зря я повторял вам, что непременно пригожусь во время этого похода, – радовался оруженосец.

– Главное теперь благополучно уйти отсюда. Уж слишком много развелось волков.

– Теперь они нам не страшны! Я захватил с собой ещё пару факелов.

– Тогда зажигай быстрей.

Волки сразу отступили от жадно шипевшего яркого света. Рыцарь вложил свой длинный меч в ножны. Пока он высоко держал пару факелов, оруженосец шарил по кустам, собирал разбросанные куски доспехов. Он снял седло с убитого коня, завернул всё в широкую накидку с графскими гербами.

– Всё! – радостно сообщил он господину. – Можем возвращаться к людям.

– Осталось только выяснить, в каком это направлении.

– Идём, я знаю.

Рыцарь и его оруженосец покинули поле битвы. Потревоженные светом хищники вернулись к своей страшной трапезе. Слуга, тащивший большой свёрток, шёл сзади, а граф гордо вышагивал впереди, зорко всматриваясь вокруг.

– Ты уверен, что мы идём правильно?! – наконец, спросил он у оруженосца. – Кругом только лес и никаких деревьев.

– Я точно запомнил дорогу до герцогского шатра, – заявил оруженосец, но в его голосе уже не было прежней уверенности, – вон, с того холма будет уже видно... надеюсь.

Они поднялись на невысокий, поросший одинокими деревьями и кустами холм. Рыцарь успел порадоваться, что на дворе уже поздняя осень и густая листва не скрывает окрестности. Действительно, с холма они разглядели впереди тусклый огонёк. Начинаясь хмурое утро медленно, словно неохотно, разгоняло ночную темень. Роббер всматривался в серые рассветные сумерки.

– Это не могут быть огни нашего стана, – задумчиво произнес рыцарь.

– Главное, это точно человеческое жильё.

– Всё равно странно, там нет даже дома, только большой сарай.

– Но там горит огонь, уверен, нам будут рады.

– Молись, чтоб это было так, – хмурился рыцарь, – ты явно заблудился. Если там не рыцари, а простой люд, так даже лучше. Я сейчас не готов объяснять кичливым дворянам, где пропал всю ночь.

Стремительно спустившись с холма, найденная оруженосцем тропинка петляла у родника и снова взбиралась на каменистую возвышенность. Неласковое осеннее солнце дарило безрадостный свет, путники поднимались на новую возвышенность, уныло глядя себе под ноги. На тронутой первым морозцем утоптанной земле рыцарь увидел тёмные подтёки.

– Похоже, будто с холма всю ночь лили что-то густое и тёмное, – задумчиво произнёс он.

– Это кровь, – буднично пояснил слуга, пыхтевший под грузом седла и доспехов.

– Откуда столько?! – ужаснулся Роббер.

Впереди, на вершине холма, путь рыцарю и оруженосцу преградил высокий глухой забор.

– Не очень-то гостеприимное место, и кровавый поток берёт начало из-под этих ворот.

Слуга, не особенно впечатлившись наблюдениями графа, решительно постучал в ворота. Они не были заперты и легко поддались под его рукой. Путники вошли внутрь. Весь большой двор, лишенный обычных крестьянских орудий, был занят больными. Раненые, измученные солдаты сидели прямо на земле, прислонившись к забору, но больше лежали на жалких кучках соломы. Отовсюду неслись тяжкие стоны и подавленные ругательства, кое-как перевязанные, многие шептали слова молитв. Между ними тихие, словно тени, двигались серьёзные, скорбные монашки, подавали раненым воду, говорили слова утешения.

– Куда ты меня завёл? – брезгливо поморщился граф.

– Это же лазарет! После того как рыцари шинкуют пехоту на мелкие кусочки, здесь солдат сшивают заново, – объяснил хозяину оруженосец.

– Тогда нам здесь делать нечего!

Гордый рыцарь повернулся уже, чтобы уйти, но в это время одна из монашек обратилась к нему:

– Господин, идёте со мной. Там срочно нужна ваша помощь! – в её голосе было мало почтительности и много требовательности.

Граф и сам удивился, почему позволил этой пожилой усталой женщине увлечь его за собой. Она повела рыцаря между стонавшими и метавшимися в беспамятстве ранеными в глубь двора, где возвышалось большое, мощное строение – не то конюшня, не то сарай. Войдя в широкие ворота, явно предназначенные для гружёных телег, а не для пешеходов, брезгливый рыцарь готов был зажать нос, так силён был тяжёлый дух, поднимавшийся от кровавых ран и умерших тел.

– Я не знал, какое страшное место – лазарет, – поморщился Роббер.

– Вы правы, сударь. Лазарет – место ужасное, – согласился с ним пожилой невысокий мужчина.

Вся его одежда была густо запачкана кровью, а на длинном кожаном фартуке, как у мясников, и вовсе не было чистого кусочка. Лицо незнакомца избороздили глубокие морщины. Голос его звучал глухо и устало.

– Второй день на ногах, – пожаловался лекарь, – и ночью не присел ни на мгновение. После таких сражений всегда так много страждущих.

Рыцарю невольно припомнилось, как легко и бездумно он наносил направо и налево смертоносные удары своим верным мечом.

– Да, да, – словно подслушал его мысли лекарь, – а потом все, кто чудом остался жив, попадают сюда, ко мне. Правда, многие умирают уже здесь, умирают в страшных муках.

– Так чем же вам могу помочь я? – спросил Роббер.

На душе у него было скверно, он ещё не смог бы объяснить этого чувства, но то, что он творил ради сражения, ради победы, постепенно становилось ему неприятно. Душу наполняло неведомое прежде чувство стыда.

– Вы только скажите, я рад буду помочь, – подавленно произнес рыцарь.

– Не знаю, как и объяснить, – замялся старый доктор, – раны солдат на войне неизбежны, естественны. Взрослые мужчины знают, на что идут. Но... когда гибнут и страдают дети, это неправильно! Невыносимо!.. Идёмте!

Он потянул рыцаря за собой в дальний угол, наполненный ранеными солдатами. Там, на таком же, как у всех, соломенном ложе, лежало совсем маленькое детское тельце.

– Вот, – указал на него лекарь, – мальчик здесь уже вторую неделю, после прошлого сражения отступавшие бежали через его деревню. Ребёнок попал под горячую руку взбешённому поражением рыцарю. Тот размахивал «утренней звездой», такой булавой на цепи с острыми шипами. Да, вы-то знаете, – спохватился старик и продолжил, торопясь, боясь, что граф не станет его слушать. – Изверг раздробил ребёнку запястье. От косточек осталось мелкое крошево. Я ничем не могу помочь, у него жуткое воспаление, он без сознания уже два дня, может начаться гангрена.

– А это страшно?

– Это смерть! – категорично произнёс медик. – Единственный выход – ампутация. Но...

Он вдруг схватил рыцаря за руку и потащил за собой в другой угол сарая, отделённый от остального помещения холщовым занавесом. Приподнял ткань, толкнул Роббера внутрь.

– Здесь мы и проводим ампутации.

Рыцарь невольно попятился назад от узкого высокого стола, потемневшего от крови. А доктор указал ему на ещё один маленький столик.

– А это наши инструменты.

Лежавшие там крючья, щипцы и ножи показались воину инструментами для пыток. Доктор взял со столика пилу с мелкими зубцами.

– Вот этим я отпиливаю руки и ноги. Пила уже затупилась, процедура эта небыстрая и мучительная. Я не раз видел, как взрослые и сильные мужчины не выдерживали такой боли. Ребёнок не перенесёт ампутации, умрёт на столе.

– Но что могу сделать я?! – ужаснулся рыцарь.

– Ваш меч в сто раз острее...

– А вы сумеете справиться с ним?!

– Не я... вам придётся...

Рыцарь не сводил глаз с мальчика. Кроха лет пяти, синевато-бледный, еле дышал. Светлые локоны прилипли к потному лобику, крохотные пальчики сжимали одеяло.

– Нет, я не смогу!

Лекарь приподнял одеяло, показал Робберу большую руку ребенка, распухшую, фиолетово-синюю.

– Отрубив кисть, вы спасёте ему жизнь, – твёрдо сказал доктор.

И граф решился. Привычное оружие показалось ему страшно тяжёлым. Рыцарь точно опустил острую сталь на место, которое указал решительный лекарь. И сразу же вышел из страшного сарая. В дверях к нему подскочил оруженосец. Спросил подобострастно:

– Чего прикажете?!

Роббер глянул на него строго, велел:

– Как только разрешит доктор, отвезёшь мальчугана в мой замок.

– Но каким образом?

– Наймёшь в деревне пару дюжих парней, пусть сколотят хорошие носилки, и отнесёте ребёнка, здесь недалеко. И чтоб пылинки с него сдували. Всё, ступай!

– А вы?

– Я тоже прибуду в замок.

– Что же я скажу герцогу? – обескуражено протянул оруженосец.

– Передай его светлости, что я ухожу и никогда больше не буду убивать для него.

Горестно вздохнув, слуга отправился в одну сторону, а граф решительно пошёл в другую. Роббер торопился, шёл, разбирая дороги, спешил убежать от нахлынувших кровавых воспоминаний. Он остановился только на краю крутого обрыва. Внизу, по дну глубокого оврага, бежала полноводная и шумная река. Рыцарь перекрестился, вынул из ножен свой верный клинок, вытянул руку, поднял над оврагом и разжал пальцы. Срезав несколько голых веток, меч упал в реку и мгновенно пропал в её водах. Роббер проводил его взглядом, прошептал вслед:

– Прощай, боевой спутник. И да простит меня Бог за всё, что я сотворил...

...Андрей очнулся от громкого звона оружия, упавшего на каменные плиты.

– Вы что! – взвизгнула экскурсовод. – С экспонатами нельзя так обращаться! Поднимите сейчас же!
– Нет! – отрезал бывший рыцарь. – Я больше никогда не возьму в руки оружие, ни старинное, ни современное! И да простит меня Бог за всё, что я сотворил!

Память

Двадцать первого века так коротки сны;
Жизни дар не умеем ценить,
И картины жестокие давней войны
Стали ночью ко мне приходиться.

Стрелы резали небо на сотни кусков,
Сталь крошилась, как горный хрусталь,
С ног сбивал грубый ветер средних веков,
Унося колокольный звон вдаль...

Над крестами соборов дым казней висел,
Горло жег, не давая дышать,
Меч двуручный от крови солёной ржавел,
Запрещал о врагах забывать.

Конь храпел, рвал узду, бил копытом в гранит,
Ветер плащ мой яростно рвал,
Жгла мне кровь голубую память обид,
Голос предков к отмщению звал.

Эту ненависть прадед отцу завещал,
Тот сберёг – и мне поручил.
Я жаждал сражения, я боя искал,
Свою ярость святую копил.

Почти сто долгих лет глумилась война
Над любовью и жизнью самой,
Нас лишила покоя и крепкого сна,
Были сыты мы вечной враждой.

Как валы океанские в грозной борьбе,
Сошлись армии разных знамён,
Этот бой стал последним в славной судьбе
Многих древних и гордых имен.

Я тогда не увидел противника глаз –
Щель забрала, как пропасть, черна.
Конь взвился на дыбы, и пробил мой час,
Чашу мести я выпью до дна!

От ударов мечей раскалилась ночь,
Сталь горела от жара сердец.
Щит разрубленный молча бросил я прочь,
Уже близился битвы конец.

Жадной стали огонь я кровью гасил,
Меч тяжёлый тупился в бою,
Я забыл, как дышать, только сёк и рубил,
Ветром выстудил душу свою...

Я высокого рыцаря сбросил с коня,
Шлем упал с его головы,
В его светлых глазах увидел вдруг я
Всю бессмысленность этой войны.

Я увидел, как мать провожала его,
И невесту увидел в слезах,
Как просили у Бога они одного,
Чтобы жизнь сохранил он в боях.

Но всё заслонила старуха с косой,
Как ужасна в юности смерть.
Останется холмик с надгробной плитой,
Холод смерти огнём не согреть.

Я упавшего юношу прежде не знал,
Не был он предо мной виноват.
Но убить его предок мой завещал,
Уже больше столетья назад.

Я, завет исполняя, меч кровавый занёс...
Но отбросил жестокий металл.
Хватит смерти и боли, хватит горя и слез!
Не хочу ненавидеть! Устал.

28.11.2002 г.

Оглавление

«Война прошла уже давно...»	4
За приданое королевы Марии.....	5
Бог решает молча	8
Дезертир.....	10
Последний бой рядового Васильева	12
Грозные небеса.....	13
Память металла	16
Память.....	20